

*Het Lants Welvaren, ter See of generale  
Schipvaert.*

**А.А.Сокин**

Проблемы западноевропейской  
морской торговли XIII – XV века  
в освещении российской  
медиевистики

Алексей Сокин

**Проблемы западноевропейской  
морской торговли XIII  
– XV века в освещении  
русской медиевистики**

«Переплёт»

2015

**Сокин А. А.**

Проблемы западноевропейской морской торговли XIII – XV  
века в освещении российской медиевистики / А. А. Сокин —  
«Переплёт», 2015

ISBN 978-5-9909029-0-9

Монография описывает особенности исторических исследований вопросов западноевропейской морской торговли. Обзор исследований включает в себя дореволюционную, советскую и постсоветскую литературу, исследуются и критически оцениваются взгляды отечественных медиевистов на вопросы морской торговли XIII–XV века. Издание предназначено для учёных-медиевистов, также будет интересно всем, интересующимся вопросами западного средневековья.

ISBN 978-5-9909029-0-9

© Сокин А. А., 2015

© Переплёт, 2015

## Содержание

Введение	6
Глава 1. Дореволюционная российская медиевистика о коммерциализации XIII–XV века	15
1.1. Разработка теоретических вопросов средневековой морской торговли российскими учеными последней трети XIX – начала XX века	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**А. А. Сокин**  
**Проблемы западноевропейской**  
**морской торговли XIII–XV века в**  
**освещении российской медиевистики**

© Сокин А. А., 2015

© ООО «Переплёт», 2016

\* \* \*

## Введение

Актуальность рассматриваемой темы имеет две стороны: политическую и научную. Современные политические процессы, связанные с глобализацией и жесткой конкуренцией западноевропейских стран в мировом сообществе, определяют интерес к тем историческим эпохам, которые уже имели примеры подобных экономических и политических объединений. Среди различных исторических периодов особую актуальность приобретает средневековье с его крупными морскими республиками (Венеция и Генуя), имевшими широкий круг колоний, с купеческими корпорациями (Великая Немецкая Ганза), объединившими крупных торговцев и торговые города разных стран и территорий.

Научная сторона актуальности связана не столько с неизученностью данной темы в отечественной историографии, сколько с необходимостью детального ее исследования как важного структурирующего элемента всего средневекового общества. Кроме того, сама историческая наука в последнее время проявляет особый интерес к способам получения исторического знания, к процессу формирования той или иной концепции, к долговременным изменениям внутри научного знания. В центре внимания оказываются творчество отечественных историков, их методологические и конкретно-исторические взгляды, эволюция важных проблем исторической науки.

Интерес к данной теме обусловлен еще и тем, что отечественная историческая наука пережила различные контрастные периоды, которые получили свое яркое выражение в конкретно-исторических исследованиях, в том числе и по истории средневековой Европы.

Одной из первых работ, в которой вопросы морской торговли Западной Европы XIII–XV вв. рассмотрены в контексте проблемной историографии, была монография ректора Киевского университета Феодора Фортинского (1846–1902) «Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 года»<sup>1</sup>. Он удачно разместил историографические экскурсы в основном тексте своей монографии, обратив особое внимание на западноевропейскую историческую мысль.

В советский период исследователи, как правило, ограничивались в историографическом обзоре ссылками на классиков марксизма-ленинизма и острой критикой буржуазных историков Западной Европы, игнорируя достижения отечественной исторической науки конца XIX – начала XX вв. Впервые к краткой характеристике концепций экономического развития итальянских городов, в том числе и в вопросах морской торговли, обратился заведующий сектором всеобщей истории Ленинградского отделения института истории АН СССР Виктор Рутенбург (1911–1988) в своей монографии «Очерки из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в.»<sup>2</sup> Упомянув работы Николая Осокина, Валентина Дитякина, Алексея Дживелегова и Евгения Тарле, автор отдавал предпочтение последним двум, которые, однако, по его мнению, не рассматривали развитие экономической истории Италии с позиций марксизма-ленинизма, что ставило под сомнение научность их выводов<sup>3</sup>. В дальнейшем мы видим, что этот исследователь очень корректно и с большим уважением относился к наработкам дореволюционных ученых, считая их первооткрывателями в разработке вопросов истории морской торговли<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. / Ф. Я. Фортинский. – Киев, 1877.

<sup>2</sup> Рутенбург, В. И. Очерки из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. / В. И. Рутенбург. – М.: Л., 1951.

<sup>3</sup> Там же. – С. 12–13.

<sup>4</sup> Рутенбург, В. И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения: очерки / В. И. Рутенбург. – Л., 1987.



В 1950-е гг. появились первые работы профессора Горьковского университета Николая Соколова (1890–1979) по истории Венеции, которые автор предварял обширным историографическим обзором, большая часть которого была посвящена, естественно, характеристике иностранной литературы. Начало изучения Венецианской колониальной империи в отечественной исторической науке Соколов связывал с научной деятельностью Тимофея Грановского и его учеников, в числе которых он упоминал Михаила Стасюлевича и Ивана Лучицкого<sup>5</sup>. Труды этих историков, а также Филиппа Бруна и Николая Осокина свидетельствовали о том, что отечественная историческая наука «в области изучения истории Запада твердо стояла... на собственных ногах» и находилась в русле «позитивистского направления и по своему методу, и по точности и тщательности исследования, и по основательности выводов»<sup>6</sup>. Достаточно высокое место в дореволюционной историографии Соколов отводил трудам Максима Ковалевского, Алексея Дживелегова и Иосифа Кулишера. Высоко оценивая капитальный труд Ковалевского «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства»<sup>7</sup>, исследователь, однако, признавал, что некоторые выводы о черноморской торговле в его концепции «не могут быть приняты безусловно» и требуют серьезного пересмотра. Несколько устаревшими для современной исторической науки Соколов считал выводы об особенностях средиземноморской торговли Дживелегова. В то же время замечания Иосифа Кулишера и выводы Дмитрия Егорова о тесной взаимосвязи крестовых походов и купеческой экспансии на Восток советский исследователь считал ценными для современных историков и требующими дальнейшего развития<sup>8</sup>. Немаловажное значение Н. П. Соколов придавал трудам Василия Васильевского, Федора Успенского, Александра Васильева, которые внесли огромный вклад в изучение истории Византии. Однако, их выводы относительно складывания венецианско-византийских отношений и характера торговой колонизации причерноморских районов требовали, по его мнению, коренного пересмотра. Советская историография, как считал исследователь, шагнула далеко вперед в методологическом плане, что предопределило иную постановку и иное видение проблем средневековой морской торговли. Елена Скржинская «совершенно правильно, в духе марксистско-ленинской методологии» характеризовала отношения Венеции и Византии, отмечая экспансионистские стремления первой. Однако, Соколов не совсем согласен с некоторыми частностями в исследовании данной проблемы (например, в определении границ владений Генуи и Венеции, в последовательности вытеснения одних купцов с причерноморского побережья другими), которые, как считал автор, Скржинская без критики заимствовала у Ф. И. Успенского. Среди советских исследователей Соколов отмечал Митрофана Левченко и Федора Полянского, первый из которых также основывался на устаревших исторических наблюдениях дореволюционных историков. В целом, для Н. П. Соколова был характерен взвешенный подход к концепциям отечественных историков конца XIX – начала XX вв. и несколько критический – к современным ему исследователям.

Очень резкую характеристику трудам историков дореволюционной школы давала профессор Московского университета Вера Стоклицкая-Терешкович (1885–1962), считая, что их выводы (Максима Ковалевского, Алексея Дживелегова, Ивана Смирнова, Вальдемара Ляскорского) «совершенно чужды марксистско-ленинской методологии истории» и не представляли из себя научное исследование<sup>9</sup>.

<sup>5</sup> Соколов, Н. П. Образование Венецианской колониальной империи / Н. П. Соколов. – Саратов, 1963. – С.109.

<sup>6</sup> Соколов, Н. П. Образование Венецианской колониальной империи / Н. П. Соколов. – Саратов, 1963. – С.112.

<sup>7</sup> Ковалевский, М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства: в 3-х т. / М. М. Ковалевский. – СПб., 1898-1903.

<sup>8</sup> Соколов, Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. – С.118.

<sup>9</sup> Стоклицкая-Терешкович, В. В. Основные проблемы истории средневекового города / В. В. Стоклицкая-Терешкович. – М., 1960. – С.3.

С 1960-х гг. историографический обзор становился необходимым правилом написания любой проблемно-исторической статьи. Например, московский русист и славист Анна Хорошкевич (г.р. 1931), обратившись к исследованию русского денежного обращения конца XV в., перечисляла всех историков, занимавшихся и занимающихся этим вопросом<sup>10</sup>. В монографии «Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв.» она рассматривала историю изучения русско-ганзейских отношений в иностранной и отечественной исторической науке и особенно выделяла труды Александра Никитского и Александра Лаппо-Данилевского, которые, по ее мнению, определили основные задачи в исследовании данной проблемы. Ответ же на поставленные вопросы смогла дать, как отмечает А. Л. Хорошкевич, только советская историческая наука с ее материалистическим пониманием исторического процесса. Среди советских историков, обратившихся к вопросам морской торговли она выделяла Наталию Казакову и Михаила Лесникова, первая из которых правильно определяла основные цели внешней политики новгородских купцов, а второй разрабатывал новую методику анализа торговых книг, позволившую разобраться в технике торговли и характере торговой деятельности и сделать вывод об отсутствии колониального аспекта в новгородско-ганзейской торговле<sup>11</sup>.

Достаточно высоко концепции отечественных историков оценивались в трудах московских медиевистов Любви Котельниковой (1927–1988), Моисея Смирин (1895–1975) и Марины Старокадомской (1916–1956). Причем к середине 1960-х – 1970-м гг. наблюдался все больший интерес к отечественной историографии вообще и к наработкам дореволюционных историков, в частности, что отражалось в увеличении количества ссылок и цитат из трудов исследователей конца XIX – начала XX вв. в работах советских ученых.

Значительную часть своего историографического раздела посвятила достижениям дореволюционной историографии старший научный сотрудник Ленинградского отделения института истории АН СССР Наталия Казакова (1915–1984) в монографии «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения в конце XIV – начале XVI вв.»<sup>12</sup>, особо останавливаясь на работах Михаила Бережкова, Александра Никитского, Александра Лаппо-Данилевского. К заслугам этих исследователей она относила создание добротной источниковой базы, благодаря публикациям документов и обобщению результатов предшествующих исследований. Советская же историография в ее представлении сумела научно осветить поставленные вопросы. «Советская историография при анализе внешней политики [куда включаются и вопросы морской торговли – А.С.] государства исходит из марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, в частности из положения о зависимости внешней политики от уровня социально-экономического развития изучаемых стран»<sup>13</sup>. Этот подход уже задавал определенный императив изучения русско-ганзейских отношений, где Новгород представал как феодальная боярская республика, а Ганза – как типично средневековый союз городов, против монополии которого на Балтике велась ожесточенная борьба национальных купечеств и правительств формировавшихся централизованных монархий<sup>14</sup>. Среди советских историков, подошедших с подобных позиций к рассмотрению данной проблемы, автор называла Михаила Лесникова, Константина Базилевича, Игоря Клейненберга, Анну Хорошкевич. Однако, анализ концепций

<sup>10</sup> Хорошкевич, А. Л. Из истории ганзейской торговли / А. Л. Хорошкевич // Средние века. – М., 1961. – Вып. XX; Она же. Некоторые иностранные свидетельства о русском денежном обращении конца XV в. / А. Л. Хорошкевич // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. – М., 1961.

<sup>11</sup> Хорошкевич, А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. / А. Л. Хорошкевич. – М., 1963. – С. 15.

<sup>12</sup> Казакова, Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения в конце XIV – начала XVI вв. / Н. А. Казакова. – Л., 1975.

<sup>13</sup> Казакова, Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения в конце XIV – начала XVI вв. – С. 14–15.

<sup>14</sup> Там же. – С. 15.



данных исследователей отсутствовал. Н. А. Казаковой скорее была представлена аннотированная библиография, а не историография русско-ганзейских отношений и истории балтийской морской торговли.

В работе заведующей сектором истории Средних веков института всеобщей истории АН СССР Аделаиды Сванидзе (г.р. 1929) «Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV вв.» указывалось на необходимость комплексного изучения городского рынка и деревни, чем, по ее мнению, и занимались такие советские историки, как Яков Левицкий, Любовь Котельникова и др.<sup>15</sup>

В 1980-е гг. наблюдался некоторый спад интереса к тщательным историографическим обзорам и возврат к глухим библиографическим заметкам. Среди всех работ 1980-х гг. следует отметить статью профессора Московского университета Лидии Брагиной (г.р. 1930) «Итальянское средневековье и Возрождение в новейших советских исследованиях»<sup>16</sup>. Автор сгруппировала всю научную литературу по данной теме по проблемному принципу. Она выделяла творчество Любви Котельниковой, посвященное генезису феодализма, и относила ее к той группе ученых, которые настаивали на большом влиянии рынка на сельскую округу. Достижения Виктора Рутенбурга анализировались в рамках проблемы зарождения и развития раннекапиталистических отношений, где морская торговля сыграла ведущую роль<sup>17</sup>.

Жизни и творчеству этих двух историков были посвящены статьи в сборнике «Россия и Италия», в которых их вклад в историческую науку оценивался очень высоко. Авторы статей профессор Латвийского университета Александра Ролова (г.р. 1920), эмигрировавшая в Германию с распадом СССР, и профессор МГУ Евгения Гутнова (1914–1992) независимо друг от друга отмечали высокий авторитет этих ученых в исследовании взаимосвязанных проблем: итальянского феодализма и итальянского капитализма. Причем, если Л. А. Котельникова настаивала, по мнению Роловой, на специфике итальянского феодализма, то В. И. Рутенбург, как считала Гутнова, – на особенностях итальянского раннего капитализма. И тот, и другой, по мнению исследователей, отмечали решающее влияние морской торговли на развитие итальянской экономики, но если Котельникова находила в этом больше отрицательных последствий, то Рутенбург – больше положительных<sup>18</sup>.

Из специальных историографических работ советской эпохи, пожалуй, можно выделить статьи Валентина Бадяна (1930–2004)<sup>19</sup>, работавшего в Феодосийском краеведческом музее и Днепропетровском университете. Он рассматривал изучение средневековой генуэзской колонизации Северного Причерноморья в российской дореволюционной и постреволюционной средневековщине, отмечал существенный прогресс последней.

Самым же значительным историографическим исследованием, предпринявшим попытку оценить потенциал советской средневековщины, стала докторская диссертация швейцарского историографа Пауля Штрессле «Международная черноморская торговля и Константинополь

<sup>15</sup> Сванидзе, А. А. Средневековый город и рынок в Швеции XIII–XV вв. / А. А. Сванидзе. – М., 1980. – С. 25.

<sup>16</sup> Брагина, Л. М. Итальянское средневековье и Возрождение в новейших советских исследованиях / Л. М. Брагина // Италия в трудах советских историков. – М., 1989. – С. 7–29.

<sup>17</sup> Там же. – С. 8–13.

<sup>18</sup> Гутнова, Е. В. Виктор Иванович Рутенбург и советская итальянистика / Е. В. Гутнова // Россия и Италия. – М., 1993; Ролова, А. Д. Любовь Александровна Котельникова и ее вклад в изучение итальянского феодализма / А. Д. Ролова // Там же.

<sup>19</sup> Бадян, В. В. Генуэзька феодальна колонізація Північного Причорномор'я в російській історіографії капіталістичного періоду / В. В. Бадян // Вісник Харків. ун-ту. – 1970. – Вып. XLV. – С. 48–53; Он же. Генуэзька феодальна колонізація Північного Причорномор'я в російській історіографії дореформеної Росії / В. В. Бадян // Питання історії народів СРСР. – Харків, 1969. – Вып. VI. – С. 135–141; Он же. Радянська історіографія генуэзької колонізації Північного Причорномор'я у XIII–XV ст. / В. В. Бадян // Вісник Харків. ун-ту. – Харків, 1967. – Вып. XXII. – С. 103–111.

1261 – 1484 гг.: в зеркале советских исследований»<sup>20</sup>, опубликованная в 1990 г. в виде монографии. По его заключению, марксистская методология, рассматривавшаяся советскими историками как серьезное преимущество по сравнению с западной исторической наукой, привела, в действительности, к догматизму, к исключению малейшей возможности порождения новых идей, к вращению в узком идейном поле марксистской схематики – констатации эксплуататорской роли купеческого капитала, акцентирования классовых антагонизмов, колониального характера итальянских поселений в Причерноморье и т. п.

1990-е гг. можно считать настоящим прорывом и в исследовании темы средневековой морской торговли, и в историографических этюдах историков. Крупный исследователь средиземноморской торговли, заведующий кафедрой истории Средних веков МГУ, академик РАН Сергей Карпов (г.р. 1948) рассматривает изучение заявленной им темы как единый генетически обусловленный процесс, в котором дореволюционным концепциям отводится такое же почетное место, как и трудам советских историков<sup>21</sup>. Предшествующая историография выявила, по мнению Карпова, «общие закономерности торгово-предпринимательской деятельности итальянских купцов в Причерноморье», но не обратила внимание на частности и в большинстве случаев пестрила досадными фактическими ошибками<sup>22</sup>. Особый интерес представляет раздел, посвященный иностранной литературе, где автор блистает тонкостями историографического анализа и отмечает ряд важных нюансов, касающихся обсуждения вопроса о влиянии итальянской морской торговли и морской политики на развитие причерноморских территорий, в том числе и Византии<sup>23</sup>.

Сдержанность в характеристике трудов отечественных историков С. П. Карпов проявляет и в другой своей монографии «Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв.», но обширная библиография свидетельствует о знакомстве автора с большим комплексом научной литературы по исследуемой тематике<sup>24</sup>.

Ярким образцом удачно выполненного историографического обзора является вводная часть опубликованной кандидатской диссертации московского византиниста Натальи Богдановой «Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города», выполненной на основе междисциплинарного подхода в научно-исследовательской лаборатории истории Византии и Причерноморья в Средние века при кафедре истории Средних веков МГУ. Вся литература по истории Херсона X–XV вв. сгруппирована по проблемно-хронологическому признаку, где работы отечественных историков начинают рассматриваться со второй четверти XIX в. и делятся по проблемам археологического и источниковедческого изучения истории Херсона и теоретического осмысления его места в историческом процессе<sup>25</sup>. Историографии 1917 – 1988 гг. посвящен отдельный раздел, в котором изучение данной темы ведется с применением марксистских принципов методики и методологии, но на том же материале археологических данных и письменных источников. В связи со специфичностью темы анализируется лишь узкий круг работ историков, и то в основном в области археологических раскопок. Ценность этого труда состоит в том, что автор впервые в рамках данной проблемы заявляет междисциплинарный подход, который успешно использует как в ее источниковедческом изучении, так

<sup>20</sup> Strässle, P. Der internationale Schwarzmeerhandel und Konstantinopel 1261 – 1484: im Spiegel der sowjetischen Forschung / P. Strässle. – Bern; Frankfurt a M.; N.Y.; P.; Peter Lang, 1990.

<sup>21</sup> Карпов, С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли / С. П. Карпов. – М.: МГУ, 1990.

<sup>22</sup> Там же. – С. 37.

<sup>23</sup> Карпов, С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв. – С. 41–42.

<sup>24</sup> Карпов, С. П. Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв. / С. П. Карпов. – М., 1994. – С. 11–17.

<sup>25</sup> Богданова, Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города / Н. М. Богданова // Причерноморье в Средние века. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 13–15. В дальнейшем Н. М. Богданова покинула сферу науки, посвятив себя церковному служению.

и в ее историографическом осмыслении. Сегодня историография истории византийского Херсона освещается в монументальном труде профессора Уральского университета Аллы Романчук (г.р. 1942)<sup>26</sup>.

В предложенном экскурсе особо выделим историографический раздел в монографии заведующего кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Тюменского университета Александра Еманова (г.р. 1958) по истории торговли Кафы<sup>27</sup>. Характерно, что само название этого крупнейшего на Черном море центра мировой торговли XIII–XV вв. им дается без привычной удвоенной «ф», свойственной только итальянскому языку и латинскому фонду источников. В этом видится осознанный отказ ученого от рассмотрения Кафы как генуэзской колонии и стремление представить экономическую жизнь города как полиэтнического центра, в котором роль греков, армян, татар, русских, евреев и других понтийских народов возрастала к середине XV в.

Новые возможности историографического исследования открывает кандидатская диссертация ингушского историографа-медиевиста Анжелы Матиевой, позднее работавшей в посольстве России в Азербайджане и руководителем пресс-службы главы Ингушетии, «История итальянских факторий Северного Причерноморья в исследованиях М. М. Ковалевского»<sup>28</sup>. Автором изучены не только опубликованные труды крупного русского ученого, но и его богатое рукописное наследие, включая выписки из итальянских архивов. Это позволило по-новому воспринять творчество основателя русской историко-юридической школы, получившего мировую известность, увидеть как продуктивное продолжение Ковалевским лучших традиций российских медиевистических штудий, так и предвосхищение многих открытий исторической науки нашего времени.

Как мы видим, отношение отечественных исследователей к работам своих соотечественников по истории средневековой морской торговли в Западной Европе XIII–XV вв. претерпело определенную эволюцию, осмыслить которую и предстоит в данном исследовании. Требуют критической оценки основные направления изучения средневековой морской торговли, особенности исследования северного и южного мореходства в Европе, влияние общеметодологической ситуации на поворот приоритетов и акцентов в концептуализации обозначенной тематики.

Состояние изученности проблемы обусловили цель данного исследования – проследить эволюцию представлений отечественных историков на проблему развития морской торговли в Западной Европе в XIII–XV вв.

Хронологические рамки охватывают период с последней трети XIX в. до начала XXI в. Нижняя хронологическая граница определяется временем появления первых монографических трудов, с научной точки зрения затрагивающих вопросы средневековой морской торговли. Верхнюю границу определяют последние работы историков по обозначенной теме.

Классическая историографическая матрица исследования приобретает несколько иное звучание в рамках быстро развивающегося направления интеллектуальной истории. «Предмет интеллектуальной истории в современном ее понимании включает в себя не только историю достижений человеческого интеллекта, то есть результатов интеллектуальной творческой деятельности, но и историю самой этой деятельности в ее процессуальной незавершенности, и культурную среду, задающую ей свои условия и предпосылки, и биографии самих творцов, и

---

<sup>26</sup> Романчук, А. И. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы / А. И. Романчук. – Т. 2: Византийский город. – Тюмень: ТюмГУ, 2008.

<sup>27</sup> Еманов, А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. / А. Г. Еманов. – Тюмень, 1995.

<sup>28</sup> Матиева, А. Х. История итальянских факторий Северного Причерноморья в исследованиях М. М. Ковалевского / А. Х. Матиева: дис. ... к.и.н. – М.: МГУ, 2004.

их межличностные связи, и историю распространения и восприятия новых идей и знаний»<sup>29</sup>. Однако, антропологический ракурс данного исследования несколько оттеснен изучением истории идей. В нашем случае история средневековой морской торговли в Западной Европе XIII–XV вв. рассматривается как часть интеллектуального наследия отечественной исторической мысли, обогащающегося на протяжении конца XIX – начала XXI вв.

Помимо методов интеллектуальной истории в исследовании применялись элементы дискурсивного и герменевтического методов, значимых для понимания особенностей языковых и мыслительных конструкций историков прошлого и позапрошлого столетий.

Источниковая база заявленного исследования весьма обширна и включает в себя достаточно объемный комплекс исторической литературы, который представлен несколькими группами источников. В первую группу вошли крупные монографические исследования и научные статьи, как опубликованные, так и неопубликованные (диссертации, авторефераты), затрагивающие вопросы средневековой морской торговли в Западной Европе в XIII–XV вв. Эта группа источников является базовой, поскольку позволяет проследить эволюцию взглядов отечественных историков на данную проблему на разных этапах развития исторической науки<sup>30</sup>. К этой

<sup>29</sup> Репина, Л.П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Историческая наука на рубеже веков. – М., 2001. – С. 190.

<sup>30</sup> Бессмертный, Ю. Л. Феодалная деревня и рынок в Западной Европе XII – XIII вв. / Ю. Л. Бессмертный. – М., 1969; Близнюк, С.В. «Сладкая жизнь» генуэзцев на Кипре в XV в. / С. В. Близнюк // Причерноморье в Средние века. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 37–44; Она же. Мир торговли в королевстве крестоносцев на Кипре (1192–1373) / С. В. Близнюк. – М., 1994; Богданова, Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города / Н. М. Богданова // Причерноморье в Средние века. – М., 1991. – Вып. 1; Воробьева, И. Г. Венецианские источники по истории Далмации XV–XVII вв. / И. Г. Воробьева // Советское славяноведение. – М., 1986. – № 4. – С. 34–42; Германия и Италия в X – XV вв. – М., 1938; Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – Т. 3: Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. – М., 2000; Живелегов, А. К. Средневековые города в Западной Европе / А. К. Живелегов. – М., 2002; Егоров, Д. Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. / Д. Н. Егоров. – Т. I: Материал и метод. – М., 1915; Еманов, А.Г. К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма / А. Г. Еманов // Античная древность и Средние века. Византия и её провинции. – Свердловск, 1982; Он же. Восточное направление торговли Кафы в XIII–XV вв. / А. Г. Еманов // Вестник ЛГУ. Сер.2. Ист., яз., лит. – Л., 1986. – Вып. 3. Он же. Развитие торговых связей Кафы в XIII – XV вв. / А. Г. Еманов // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. – Ростов-на-Дону, 1989; Он же. Итальянская торговля на Черном море в XIII–XV вв. / А. Г. Еманов, А. И. Попов // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века: межвуз. сб. науч. трудов. – Ростов-на-Дону, 1988; Он же. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. / А. Г. Еманов. – Тюмень, 1995; Зевакин, Е. С. Очерки по истории генуэзских колоний на западном Кавказе в XIII и XV вв. / Е. С. Зевакин, Н. А. Пенчко // Исторические записки. – 1938. Т. 3. – С. 72–129; Казакова, Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения в к. XIV – начале XVI вв. / Н. А. Казакова. – Л., 1975; Карпов, С. П. Венецианская работоторговля в Трапезунде (конец XIV – начале XV вв. / С. П. Карпов // Византийские очерки. – М., 1982; Карпов, С. П. Из истории средневекового Крыма: высшие официалы генуэзской Кафы перед судом и наветом / С. П. Карпов // Отечественная история. – 2001. – № 1; Карпов, С. П. Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. / С. П. Карпов. – М., 1994; Климанов, Л. Г. Об особенностях номенклатуры документов Венецианского дипломатического обихода / Л. Г. Климанов // Вспомогательные исторические дисциплины / Л. Г. Климанов. – Л., 1987. – С. 279–288; Косминский, Е. А. Был ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? По поводу доклада на X Международном Конгрессе историков: «Европейская экономика в течение двух последних столетий средневековья» / Е. А. Косминский // Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. – М., 1963; Краузе Г. Военно-морское дело в истории Ганзы / Г. Краузе // Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. – М., 1992; Он же. Ганзейское судостроение и типы кораблей XIII–XVI веков / Г. Краузе // Рынок и экспортные отрасли ремесла в Европе XIV–XVIII вв. – М., 1991; Крот, В. А. Торговля Польши с Турцией в Причерноморье (XV – первая половина XVI в.) / В. А. Крот // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века: межвуз. Сб. науч. Трудов. – Ростов-на-Дону, 1988; Кузнецов, Е. В. Купцы-авантюристы Лондона (страницы ранней истории) / Е. В. Кузнецов // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. – Горький, 1980; Он же. Лондонская гильдия торговцев тканями в XV – начале XVI вв. / Е. В. Кузнецов // Средние века. – М., 1968. – Вып. 31; Левицкий, Я. А. Города и городское ремесло в Англии XII–XIII вв. / Я. А. Левицкий. – М., 1960; Лесников, М. П. Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. М. П. Лесников // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та. – М., 1948. – Вып. 1. – Т. XIII. – С. 61–93; Лозинский, С. Эпоха торгового капитала / С. Лозинский. – Л., 1926; Лучицкий, И. В. Очерки по экономической истории Западной Европы / И. В. Лучицкий. – Киев, 1893–1894; Любич, Н. Н. Хозяйство и финансы немецких городов в XIV и XV веках / Н. Н. Любич. – Варшава, 1904; Мавродин, В. В. Начало мореходства на Руси / В. В. Мавродин. – Л., 1949; Маркова, С. П. Очерки истории торговли Англии (XIV–XVII вв.) / С. П. Маркова. – Майкоп, 1996; Михновский, В. А. Возникновение мировой торговли и эпоха великих открытий / В. А. Михновский. – Л., 1926; Некрасов, Ю. К. Очерк из экономической истории Германии конца XV – начала

же группе источников можно отнести исследования зарубежных историков, переведенные на русский язык и оказавшие существенное влияние на изучение тех или иных вопросов, связанных с морской торговлей<sup>31</sup>.

Во вторую группу вошли учебники и учебные пособия, в которых обозначенные сюжеты включены в общую канву изложения средневековой истории<sup>32</sup>. Представленные в этих источниках схемы изложения исторического процесса позволяют увидеть эволюционное развитие исторической науки и изменение ракурса изучения средневековой морской торговли.

В последнюю группу включены рецензии и отзывы исследователей на работы соотечественников и иностранных ученых<sup>33</sup>. Они отражают признание той или иной концепции в средневековистическом сообществе, моменты принятия или отторжения определенных выводов автора, востребованность его наработок последующими поколениями. В качестве примера можно привести дискуссию, разгоревшуюся по поводу монографии В. И. Рутенбурга «Очерки из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в.» и затронувшую основополагающие вопросы изучения средневековой истории вообще и истории морской торговли Западной Европы XIII–XV вв. в частности.

---

XVI вв. / Ю. К. Некрасов // Проблемы социально-экономической истории Германии и Австрии XV–XVI вв. – Вологда, 1969; Никулина, Т. С. Проблемы патрициата ганзейских городов в немецкой историографии / Т. С. Никулина // Вопросы историографии внутренней и внешней политики зарубежных стран. – Самара, 1991; Подалаяк, Н. Г. Ганза / Н. Г. Подалаяк // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – Т. 4: Extra muros: город, общество, государство. – М., 2000; Полянский, Ф. Я. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. / Ф. Я. Полянский. – М., 1952; Пономарев, А. Л. Денежный рынок Трапезундской империи в XIII–XV вв. / А. Л. Пономарев // Причерноморье в Средние века. – М.; СПб., 1998. – Вып. 3; Он же. Население и территория Каффы по данным массарии – бухгалтерской книги казначейства за 1381–1382 гг. / А. Л. Пономарев // Причерноморье в Средние века. – М., СПб., 2000. – Вып. 4. – С. 317–443; Ролова, А. Д. Экономический строй Флоренции во второй половине XV и в XVI веке / А. Д. Ролова // Средние века. – 1956. – Вып. 8; Рутенбург, В. И. Итальянский город от раннего Средневековья до Возрождения: очерки / В. И. Рутенбург. – Л., 1987; Он же. Очерки из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. / В. И. Рутенбург. – М.; Л., 1951; Сванидзе, А. А. Средневековый город и рынок в Швеции. XIII–XV вв. / А. А. Сванидзе. – М., 1980; Скржинская, Е. Ч. Генуэзцы в Константинополе в XIV в. / Е. Ч. Скржинская // Византийский временник. – М., 1947. – Т. 1. – С. 215–234; Соколов, Н. П. Образование Венецианской колониальной империи / Н. П. Соколов. – Саратов, 1963; Стоклицкая-Терешкович, В. В. Основные проблемы истории средневекового города / В. В. Стоклицкая-Терешкович. – М., 1960; Талызина, А. А. Баллистарии на венецианских галеех Романии / А. А. Талызина // Византийский временник. – М., 1999. – Т. 58 (83); Тарле, Е. В. Политика: История территориальных захватов. XV–XX века: сочинения / Е. В. Тарле. – М., 2001; Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г. / Ф. Я. Фортинский. – Киев, 1877; Хорошкевич, А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. / А. Л. Хорошкевич. – М., 1963; Шаркова, И. С. Россия и Италия: торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. / И. С. Шаркова. – М., 1981 и др.

<sup>31</sup> Луццатто, Дж. Экономическая история Италии. Античность и средние века / Дж. Луццатто; пер. с ит. М. Л. Абрамсон. – М., 1954; Пиренн, А. Средневековые города Бельгии / А. Пиренн; пер. с фр. под ред. Е. А. Косминского. – М., 1937 и др.

<sup>32</sup> Михайловский, В. Ганза // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружком преподавателей / под ред. проф. П. Г. Виноградова. – М., 1914; Обществоведение. – Т. III: Жизнь общества в эпоху торгового капитализма. – Пг., 1924 и др.

<sup>33</sup> Бессмертный, Ю. Л. Проблема западноевропейской торговли IX–XIII вв. в современной западной средневековистике (К обсуждению концепции Анри Пиренна) / Ю. Л. Бессмертный // Средние века. – 1963. – Вып. 23. – С. 246–264; Добиащ-Рожественская, О. Рец. на кн.: Д. Н. Егоров. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. I: Материал и метод. М., 1915 // Журнал Мин-ва нар. просвещ. – 1915. – № 10; Еманов, А. Г. Рец. на кн.: С. П. Карпов. Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994 // Вопросы истории. – 1995. – № 11/12; Он же. Рец. на кн.: Т. Н. Берадзе Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. Тбилиси: Мецнеиреба, 1989 // Известия АН Груз. ССР. Сер. Ист., археол., этногр. и ист. иск. – Тбилиси: АН Груз. ССР, 1991. – № 1; Косминский, Е. А. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? По поводу доклада на X Международном Конгрессе историков: «Европейская экономика в течение двух последних столетий средневековья» / Е. А. Косминский Е. А. // Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. – М., 1963; Рутенбург, В. И. Рец. на кн.: Дж. Луццатто. Экономическая история Италии // Средние века. – М., 1956. – Вып. 8. – С. 437–449; Сванидзе, А. А. Флорентийские купцы в Англии в XIV–XV вв. // Вопросы истории. – 1961. – № 10. – С. 190; Сказкин, С. Д. Предисловие // Луццатто Дж. Экономическая история Италии. Античность и средние века. – М., 1954. – С. 3–16; Стоклицкая-Терешкович, В. В. Рец. на кн.: Ф. Я. Полянский. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. // Вопросы истории. – 1953. – № 7; Стоклицкая-Терешкович, В. В. Анри Пиренн как историк средневекового города // Пиренн А. Средневековые города Бельгии. – М., 1937. – С. 5–24; Сюзюмов, М. Я. Рец. на кн.: Ф. Я. Полянский. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII–XV вв. // Вопросы истории. – 1953. – № 7 и др.

Представленное вниманию читателя исследование позволяет обратиться к изучению средневековой морской торговли южного и северного направлений Западной Европы XIII–XV вв. и рассмотреть эту проблему в процессе трансформации исторического знания на дореволюционном, советском и современном этапе развития отечественной историографии.

## **Глава 1. Дореволюционная российская медиевистика о коммерциализации XIII–XV века**

### **1.1. Разработка теоретических вопросов средневековой морской торговли российскими учеными последней трети XIX – начала XX века**

Последняя треть XIX – начало XX вв. характеризуется появлением конкретно-исторических и теоретических работ отечественных историков, посвященных проблемам средневековой морской торговли. Всплеск интереса к данной проблематике был вызван несколькими причинами. Во-первых, публикацией Археографической Комиссией огромного массива исторических источников, относящихся к данному периоду<sup>34</sup>. Во-вторых, появлением значительного количества исследований зарубежных историков, обращающихся к теме морской торговли<sup>35</sup>. В-третьих, опосредованное влияние оказала углубляющаяся специализация внутри отечественной исторической науки под воздействием идей позитивизма, что отразилось в специальном изучении различных исторических проблем, отдельных исторических феноменов.

Индикатором и показательным образцом происходивших в отечественной исторической науке перемен явились исследовательские труды академика Императорской Санкт-Петербургской академии наук Максима Ковалевского (1851–1916), его коллеги по академии, а позднее профессора Оксфордского университета Павла Виноградова (1854–1925), профессора Московского университета Владимира Герье (1837–1919), профессора Московского народного университета имени А. Л. Шанявского Алексея Дживелегова (1875–1952), профессора Киевского университета Ивана Лучицкого (1845–1918) и др.<sup>36</sup>. Однако, лишь некоторые из них обратили внимание на специфику развития средневековой морской торговли.

Среди всех исследователей, в первую очередь, следует выделить профессора Киевского университета Феодора Фортинского (1846–1902) с монументальным трудом «Приморские вендские города и их влияние на образование Ганзейского союза до 1370 г.» и Алексея Дживелегова с двумя монографиями, посвященными истории западноевропейской средневековой торговли и основным участникам этого процесса – городам.

Прежде всего, хотелось бы задержать взор на общетеоретических вопросах средневековой морской торговли, которые нашли отражение в трудах упомянутых историков. Иван Лучицкий в своей монографии «Очерки по экономической истории Западной Европы», рассматривая «некоторые черты из истории экономической политики германских городов в средние века и XV и XVI вв.»<sup>37</sup>, подробно останавливался на экономических воззрениях средневекового общества. Как считал автор, представления средневековья основывались на теолого-канонических учениях того времени и подчиняли интересы индивида интересам общества. «Отсюда, отрицание принципа наживы, капитализации, приравняваемых к греховой usura, т. е. лихве, считавшейся преступным делом, строжайше воспрещаемой и преследу-

---

<sup>34</sup> Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригию и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. – СПб., 1857.

<sup>35</sup> См., например, обзор западной историографии: Еманов, А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. / А. Г. Еманов. – Тюмень, 1995. – С. 5–10.

<sup>36</sup> Ковалевский, М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства / М. М. Ковалевский: в 3 т. – М., 1898–1903.

<sup>37</sup> Лучицкий, И. В. Очерки по экономической истории Западной Европы. – Т. 2. – С. 4.



емой, и провозглашение принципа, что барыш должен быть установлен и определен в таких размерах, которые не могли бы ни в каком случае быть вредными для всех, для общественной группы. Высота этого барыша, размер цены продукта... устанавливается согласно с целым экономическим учением»<sup>38</sup>. Важную роль в определении цены вещи играли не личность, не индивидуум, а государственная власть, город или цех, при этом они руководствовались соблюдением законных интересов, интересов общества, группы, потребителя и индивидуума. «Продавец, учит Фома Аквинат, обязан стремиться к получению такого барыша, который необходим, как средство существования и его, и его семьи»<sup>39</sup>.

К догмам канонического права обращался и Алексей Дживелегов, рассматривая внутреннее устройство купеческих гильдий и союзов. Однако, он, в отличие от Лучицкого, усматривал в развитии средневековых торговых обществ не развитие, а разрушение *usur* – старого канонического права, запрещавшего так называемую лихву<sup>40</sup>. Первыми, кто нарушил принципы этого права, были правящие слои городского населения. Именно магистрат вынужден был следить за тем, «чтобы всякий обмен происходил по совести, чтобы прибыль, получаемая купцом, не превышала известных пределов, чтобы она согласовывалась с отголоском канонического учета, с понятием о *justum pretium*, справедливой цене. Купец должен получить такую прибыль, которая покрыла бы все его издержки и дала бы лишь очень небольшую прибыль. Иначе будут обижены его клиенты, а город этого допустить не может»<sup>41</sup>. Причем барышничество, как отмечал Дживелегов, наказывалось с большой строгостью. Чтобы соблюсти подобную правовую норму, торговля проводилась в соответствии со следующими требованиями: публично, в специально отведенных местах и строго определенные часы, в присутствии маклеров и при соблюдении четко обозначенного в прейскуранте максимума цен<sup>42</sup>.

Дживелегов – один из немногих, кто останавливался на теоретических вопросах средневековой торговли. Главную задачу торговли историк усматривал «в устранении препятствий, разделяющих потребителя от производителя во времени и пространстве»<sup>43</sup>. Необходимыми условиями для устранения данных препятствий Дживелегов называл наличие рынков и купцов, взаимодействие которых происходило в рамках средневекового города. Хотя само возникновение средневековых городов он рассматривал как взаимообусловленный процесс сосуществования складывавшихся купеческих поселений и уже существовавших рыцарских замков. В Средние века в качестве рынков выступали ярмарки, носившие сезонный характер<sup>44</sup>, а в качестве купцов – класс торговцев, образованный, как считал историк, двумя способами: либо перерастанием мелкого розничного торговца сукном в крупного оптовика, либо путем торговой специализации крупного промышленника, выпускавшего шерсть<sup>45</sup>. Кроме того, Дживелегов одним из первых отечественных историков систематизированно выделял основные черты средневекового купца. С правовой точки зрения купец для него, в первую очередь, – свободный человек, не стесненный крепостным правом, свободно передвигавшийся и полновластно распоряжавшийся своим имуществом. С психологической точки зрения средневековый купец целиком был подчинен духу наживы, поэтому в своих действиях был бесстрашен и для современного купца кажется безрассудным<sup>46</sup>.

<sup>38</sup> Лучицкий, И. В. Очерки по экономической истории Западной Европы. – Т. 2. – С. 7.

<sup>39</sup> Там же.

<sup>40</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 189.

<sup>41</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 192.

<sup>42</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – СПб., 1904. – С. 114.

<sup>43</sup> Там же. – СПб., 1904. – С. 1.

<sup>44</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – СПб., 1904. – С. 89.

<sup>45</sup> Там же. – С. 95.

<sup>46</sup> Там же. – С. 98–99.

Среди «препятствий, разделяющих потребителя от производителя во времени и пространстве» Дживелегов называл также непроходимость дорог, плохое состояние мостов, на море – неблагоприятные погодные условия и человеческий фактор, связанный с пиратством и со стремлением местного населения к легкой наживе, что выразилось в возникновении так называемого «берегового или призового» права и установлении многочисленных таможенных сборов.

На эти же препятствия в свое время обратил внимание и Феодор Фортинский. В качестве неблагоприятных для плавания факторов он называл дожди, туманы, снег и бурливость Балтийского<sup>47</sup>, разнообразные течения и переменные ветра Немецкого морей, которые, в свою очередь, «породили... у прибрежных жителей... обычай присваивать себе остатки крушений»<sup>48</sup>. В этих условиях более безопасной была континентальная торговля, проходившая по материковым водным и сухопутным дорогам. Как отмечал Фортинский, «удобства морского сообщения, естественно, привлекали горожан к первой; но море не всегда было доступно: осенние и весенние бури, зимние льды мешали плаванию по нему, и потому значительную часть года приходилось удовлетворяться одною континентальною торговлею»<sup>49</sup>. Выгодность континентальной торговли заключалась и в «обилие водных систем и леса...: реки и озера служили удобными путями сообщения, а леса доставляли необходимый материал для судостроения»<sup>50</sup>. Однако, все удобства континентальной торговли проигрывали вследствие стремления местных жителей и землевладельцев поживиться за счет торговых караванов, что делало это направление торговли убыточным. Даже при всей привлекательности сухопутной торговли она, как замечал Фортинский, «никогда не заменяла летом морской»<sup>51</sup>.

Вслед за природно-климатическим фактором морской торговли историки подробно останавливались на политических и социально-экономических аспектах этого вопроса. Фортинский раскрывал читателю целую правовую систему, на которой держалась средневековая торговля на море. Для предупреждения разорительных последствий кораблекрушения вследствие морских бурь, столкновения судов, перегруза судна или каких-либо иных факторов городские советы (раты) разрабатывали различные статьи морского права. В морском праве оговаривалась ответственность капитанов судов за кораблекрушения вследствие столкновения (в случае непреднамеренного столкновения оплачивалась половина стоимости товара, а при умышленных действиях возмещался весь вред), перегруза (когда капитан оплачивал стоимость выброшенного за борт товара) или выхода в море после установленного срока плавания – 11 ноября (на что требовалось особое соглашение между капитаном и хозяином товара).

Но самое непреодолимое препятствие в морской торговле Фортинский так же, как и Дживелегов, связывал с человеческим фактором. Так называемое «береговое право» в случае кораблекрушения лишало купца всего товара: «владелец земли, куда пристала шлюпка, ...мог претендовать на принадлежность ему выброшенных или спасенных товаров и даже – самого экипажа»<sup>52</sup>, именно поэтому, как считал исследователь, все купцы выступали за его отмену. Другим бедствием морской торговли Фортинский называл пиратство, которое в отличие от Дживелегова связывал со славянским элементом.

Политическая сторона морской торговли более подробно была проанализирована А. К. Дживелевым. Он относил купечество к крупной политической силе, способной решать

<sup>47</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 164–165.

<sup>48</sup> Там же. – С. 242.

<sup>49</sup> Там же. – С. 125.

<sup>50</sup> Там же. – С. 126–127.

<sup>51</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 152.

<sup>52</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 168.

важные политические и экономические вопросы средневековых городов. Причем роль городов в его исследованиях гипертрофирована, они выступали как мини-государства, самостоятельно решавшие международные вопросы. Они и были настоящими торговыми державами в Средние века; между ними и велась торговля. В то время государство было почти совершенно элиминировано из организации торговых сношений. «Средневековая торговля – торговля междугородская»<sup>53</sup>. Взаимосвязанность политических и экономических аспектов ярко проявлялась, как считал Дживелегов, в городских статутах, в которых оговаривались условия торговли местных и иностранных купцов. «Главный принцип всех запретных мер заключался в том, – отмечает историк, – чтобы помешать гостю нажиться там, где может нажиться свой купец»<sup>54</sup>. К числу подобных ограничений исследователи относили запрет розничной торговли, торговли определенным ассортиментом товаров, запрет участия в иностранных торговых компаниях, запрет на сделки между иностранцами, различные таможенные и торговые пошлины и сборы, так называемое «стапельное» (складочное) право, нередко принуждавшее купца торговать своим товаром именно в этом городе. Разработка подобных экономических правовых мер привела, как считал Дживелегов, к складыванию системы монополий в последние столетия Средних веков, которая держалась на принципах меркантилизма и протекционизма<sup>55</sup>. Как заключал историк, «капитал вырос, и с середины XIV в. в Италии, а с конца XV в. в остальной Европе сделался могучим фактором хозяйственной эволюции»<sup>56</sup>.

Последний сюжет, который так или иначе затрагивал тему морской торговли и который стал предметом пристального внимания дореволюционных историков, касался проблемы колонизации и христианизации наиболее важных в торговом отношении земель.

Историки последней трети XIX – начала XX вв., работавшие в рамках позитивистской парадигмы, немаловажное значение придавали колонизационным процессам, нередко посвящая им целые исследования. Профессор Казанского университета Николай Осокин (1843–1895) в своем наиболее раннем труде «Заметки по экономической истории Италии» (Казань, 1865 г.) настойчиво проводил мысль о тесной взаимосвязи крестовых походов и экономического расцвета Италии. Уже в начале своего произведения он высказывал тезис о том, что «междоусобная резня... способствует экономическому развитию», а наемничество, само явившееся результатом излишка в деньгах, приносило за собою прогрессивное увеличение богатства, значительно способствуя развитию торговли, промышленности и мануфактуры<sup>57</sup>. Экономический рост Италии происходил благодаря крестовым походам, которые постепенно перерастали в серьезный торговый оборот. Таким образом, Осокин относил военную колонизацию к прогрессивным явлениям, способствовавшим экономическому расцвету стран-колонистов.

Профессор Дерптского университета Пётр Медовиков (1816–1855), напротив, усматривал отрицательные последствия итальянской колонизации. Крестоносцы в его представлении забывали о своем первоначальном предназначении и соблазненные хитрыми республиканцами (под которыми автор подразумевал венецианцев) становились орудием для выполнения властолюбивых замыслов итальянцев. Как мы видим, автор рассматривал колонизационный процесс с духовных позиций, с позиций православного человека, усматривая в политике итальянских республик антихристианское начало, приведшее к разрушению Византийской империи и закату латинского владычества<sup>58</sup>.

<sup>53</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – С. 108.

<sup>54</sup> Там же. – С. 109.

<sup>55</sup> Дживелегов, А. К. Торговля на Западе в Средние века. – С. 113.

<sup>56</sup> Там же. – С. 114.

<sup>57</sup> Осокин, Н. Заметки по экономической истории Италии / Н.А. Осокин. – Казань, 1865. – С. 1–2.

<sup>58</sup> Медовиков, П. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще / П.Е. Медовиков. – М., 1849.

В небольшой монографии профессора Юрьевского университета Антона Ясинского (1864–1933) «Содействие чехов успехам германизации на берегах Балтийского моря» затрагивались проблемы колонизации Балтийского побережья, а вместе с тем – и особенности экономического, политического и культурного развития этих территорий. Задавшись целью оценить, «в какой мере чехи способствовали упрочению дела германизации на берегах Балтийского моря»<sup>59</sup>, автор делал интересные для нас наблюдения о том, что «основанию нового немецкого государства на берегах Балтийского моря» содействовали чешское оружие и чешские деньги, а германизация Прибалтийского побережья не только оттеснила славян от берегов Балтийского моря, но и печально отразилась на развитии их социально-экономической и культурной жизни<sup>60</sup>. Кроме того, как указывал историк, некоторые города, включенные впоследствии в систему морской торговли, были заложены именно как политические центры, свидетельствовавшие об укреплении орденового господства в стране (например, Кенигсберг)<sup>61</sup>. Россия же не участвовала в этих процессах и, по свидетельству Ясинского, не могла участвовать, потому как позже всех вступила «на поприще общеевропейской политической жизни»<sup>62</sup>. Поэтому и в политических, и в экономических вопросах она занимала позицию пассивного наблюдателя, считавшегося с «результатами предыдущего исторического развития» и целиком принимавшего «во внимание наличные факты и условия»<sup>63</sup>.

В противоречии с данным мнением находилась монография профессора Московского университета, а впоследствии заместителя директора Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина Дмитрия Егорова (1878–1931) «Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в.»<sup>64</sup>, в которой исследователь настаивал на отсутствии «какой-либо пропасти между элементами коренным и пришлым... Бок о бок, тихо и мирно, насколько это возможно в Средние века, жили здесь славяне и немцы. Судить предвзято об их взаимоотношениях, говорить о немецкой стихийной колонизации, все сметающей пред собой, вследствие численности или культурного превосходства можно лишь, отрекаясь от следования первоисточникам»<sup>65</sup>. Однако, эта монография скорее раскрывала технику работы историка, его лабораторию, а не сам конкретно-исторический сюжет, о чем неоднократно говорилось в рецензиях на нее<sup>66</sup>.

Не мог не обратиться к вопросам колонизации и христианизации местного населения и Феодор Фортинский. Он предварял свое исследование краткими, но весьма продуманными замечаниями о немецкой колонизации вендского побережья, тем самым реконструируя ту историческую обстановку, в которой возникли и развивались приморские вендские города. Рассуждая о причинах и последствиях немецкой колонизации, автор приходил к выводу о том, что «к концу XII в. вендское побережье можно считать страной с крайне редким славянским населением» и очень привлекательным с экономической и политической точки зрения местом для немецких колонистов<sup>67</sup>. В качестве основных причин заселения и завоевания этого края

---

<sup>59</sup> Ясинский, А. Н. Содействие чехов успехам германизации на берегах балтийского моря / А. Н. Ясинский. – Юрьев, 1898. – С. 7.

<sup>60</sup> Там же. – С. 9–10.

<sup>61</sup> Там же. – С. 13–14.

<sup>62</sup> Там же. – С. 7.

<sup>63</sup> Там же.

<sup>64</sup> Егоров, Д. Н. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. I: Материал и метод / Д. Н. Егоров. – М., 1915.

<sup>65</sup> Цит. по: Добиаш-Рождественская, О. Рец. на кн.: Д. Н. Егоров. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. I. Материал и метод. М., 1915 // Журнал Мин-ва нар. просвещ. – 1915. – № 10. – С. 357.

<sup>66</sup> Там же. – С. 350–363.

<sup>67</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 10.

Ф. Я. Фортинский указывал не только на «естественные богатства» (обилие рыбы, зверей, плодовых деревьев, нетронутых пастбищ и др.), но и на «все выгоды приморского положения, которые очень хорошо понимали князья, устроившие города и рынки при всех лучших портах»<sup>68</sup>. Как справедливо замечал Фортинский, важное значение для колонизации края имели крестовые походы и политика по христианизации населения, которая привела к установлению «верховой власти саксонских герцогов» и выплате им дани<sup>69</sup>. Особую роль в колонизации поморья сыграли немецкие князья. Так, в частности, «мекленбургские и поморские князья в течение всего XIII в. охотно жертвовали церквям и монастырям земли» и предоставляли право заселять их, но делали это, по мнению Ф. Я. Фортинского, из эгоистических соображений с надеждою «на увеличение своих доходов с десятины и суда и на умножение своих боевых сил пришлым населением»<sup>70</sup>. «Что касается до рыцарства, то оно более, чем кто-либо, было заинтересовано в заселении пожалованных ему земель. Для рыцарей доход с крестьян был почти единственным источником существования»<sup>71</sup>. В заселении новых земель было заинтересовано и само податное население, привлекаемое сюда не только широко распространенными слухами о богатстве края, но и желанием избежать гнета прямых и косвенных налогов, а также тирании местных чиновников на старых землях<sup>72</sup>. Таким образом, по мнению Ф. Я. Фортинского, в процессе «колонизации Славии одинаково были заинтересованы князья, рыцари, епископы, монастыри ... и сами переселенцы»<sup>73</sup>, что значительно ускорило освоение новой территории<sup>74</sup> и изменение ее социально-экономического положения. «Быстрое возрастание количества переселенцев, необходимость давать им немецкое право, мало по малу повели к изменению всего социального строя вендского побережья на немецкий лад. К концу XIII в. переворот этот сказался уже на всех слоях общества»<sup>75</sup>.

Колонизационное движение Ф. Я. Фортинский связывал с последовавшим за ним процессом феодализации общества, когда мекленбургские и померанские князья, подчиняясь то герцогам саксонским, то королям датским, то императорам германским, усваивали себе основы феодального права (раздача земли церквям, монастырям, рыцарям; организация двора на немецкий лад, присвоение титула герцога)<sup>76</sup>. Причем феодальное право Фортинский понимал слишком узко, связывая его с принципами раздачи земель, новыми правилами «организации двора» и появлением титула «герцог».

Важное значение колонизационным процессам придавал Алексей Дживелегов. По его мнению, благодаря крестовым походам коренным образом изменялись экономические принципы средневековой торговли, главным содержанием которой становились теперь предметы роскоши. В связи с этим в торговлю включался все больший круг людей, из сферы средневековой торговли вытеснялись евреи, на их место приходили европейские купцы, первыми среди которых были итальянцы<sup>77</sup>. Развитие торговых отношений с Востоком способствовало расцвету итальянских портовых городов: Венеции, Генуи, Пизы. «... денежное хозяйство начи-

---

<sup>68</sup> Там же. – С. 11.

<sup>69</sup> Там же. – С. 12.

<sup>70</sup> Там же. – С. 33.

<sup>71</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 33.

<sup>72</sup> Там же. – С. 36.

<sup>73</sup> Там же. – С. 35.

<sup>74</sup> Там же. – С. 45.

<sup>75</sup> Там же. – С. 50.

<sup>76</sup> Там же. – С. 50–51.

<sup>77</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 43.

нает под влиянием нескольких условий как экономических, так и политических, прокладывать себе путь в сфере натурально-хозяйственных отношений»<sup>78</sup>.

Другим важным теоретическим вопросом, волновавшим отечественную историографию, были последствия Великих географических открытий. Исследователи сравнивали их с коренным изменением карты мира и принципов морской торговли. Для отечественных историков эпоха Великих географических открытий была неразрывно связана не только с экономическими факторами, но и с политическими. Именно последние, по мнению большинства ученых, послужили причиной поиска новых торговых путей. Как отмечал А. К. Дживелегов, «завоевание Константинополя и черноморского побережья турками, появление мамлюков в Египте закрыло для европейской торговли путь в Италию»<sup>79</sup>, которая явилась связующим звеном между Западом и Востоком. «Почти сейчас же после падения Константинополя стали искать морского пути в Индию». Результаты этих открытий, в первую очередь, отразились на экономическом положении отдельных государств: Венеция из торгового монополиста превратилась во второстепенную державу, торговые центры со Средиземного моря были перенесены на берега Атлантического океана. К числу экономических последствий историки также относили и то, что океаническая торговля стала преобладать над внутренней, значительно упали цены на восточные товары, прилив золота и серебра из Америки решил проблему нехватки драгоценных металлов, появились новые продукты (картофель, табак, какао, ананасы и др.). Однако некоторые из этих последствий первоначально показали свой негативный характер. Например, значительное увеличение золота и серебра, по мнению А. К. Дживелегова, привело к скачку цен на товары при фиксированной заработной плате, отчего выиграли предприниматели и значительно потеряли рабочие. Эта ситуация послужила основой, с одной стороны, для обострения социальных конфликтов, а с другой, – для роста промышленного капитализма и развития банковского дела.

Таким образом, уже колонизационные процессы, по мнению дореволюционных исследователей, определили приоритеты будущей морской торговли. Германцы, вытеснив славян, тем не менее унаследовали некоторые элементы торговли, такие, как «береговое право», месторасположение крупных портовых городов. Однако колонизация и христианизация коренным образом изменили дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие региона.

Важной составляющей морской торговли являются портовые города как центры сосредоточения морской торговли. Исследованию средневековых городов посвящен ряд монографий и статей дореволюционных историков. Среди всех исследований, в первую очередь, следует упомянуть монографию А. К. Дживелегова «Средневековые города в Западной Европе» (СПб., 1902). Рассматривая особенности возникновения, развития и упадка, а также внутреннюю структуру и значение средневековых городов четырех стран (Англии, Италии, Франции и Германии), автор частично затрагивал и портовые города, а также те, которые играли ведущую роль в средневековой морской торговле. Как считал А. К. Дживелегов, главным отличительным признаком средневекового города был рынок<sup>80</sup>. «Без рынка не может быть и города. Рынок делает город хозяйственным центром всей округи»<sup>81</sup>. Как писал историк, «устанавливается двоякая связь города с рынком. Сначала приходят к пониманию значения безопасности торговых операций, а постепенно выясняется и другая сторона дела, значение города, как определенного пункта, в котором всякий желающий купить или продать найдет то, что ему нужно»<sup>82</sup>.

---

<sup>78</sup> Там же. – С. 42.

<sup>79</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 216.

<sup>80</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 39.

<sup>81</sup> Там же. – С. 114.

<sup>82</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 46.

В основе развития городов автор видел два элемента: выгода сеньора и накопление богатства у городского населения<sup>83</sup>.

Другим важным элементом средневекового города А. К. Дживелегов считал купца. «Без торгующих людей не может быть города»<sup>84</sup>. Купцы объединялись в гильдии, которые также вызвали неподдельный интерес у дореволюционных историков. В представлении историка гильдия – «это компания людей, обязавшихся взаимно поддерживать друг друга, собирающихся от времени до времени, чтобы попить вместе, и объединенных христианской идеей братства»<sup>85</sup>. Объединение купцов в гильдии имело главной целью – получение и охранение торговых привилегий, причем и за то, и за другое приходилось выкладывать королю или местным феодалам немалые средства. Поэтому гильдии объединяли достаточно зажиточных купцов, а вступление в нее с каждым годом становилось все строже и строже. Однако, без ее поддержки, по мнению Дживелегова, торговать «становилось прямо невозможно: штрафы одолевали самых строптивых сторонников самостоятельной торговой деятельности, и все наиболее зажиточные купцы, в конце концов, оказывались вынужденными вступать в гильдию»<sup>86</sup>. Гильдия с ревностью следила за чистотой своего состава, поощряя вступление в члены потомственных купцов и препятствуя проникновению в свои ряды ремесленников.

Выводы Алексея Дживелегова подкреплялись наблюдениями другого исследователя Ивана Лучицкого. По его утверждению, ганзейские города строго следили за интересами именно своего купечества, увеличивая вступительные взносы и запрещая принимать в число бюргеров иностранных граждан и простых ремесленников<sup>87</sup>. Но с другой стороны, гильдия, по мнению А. К. Дживелегова, наследуя общинную организацию, оказывала существенную поддержку купцу в самых трудных ситуациях (во время болезни, заключения под стражу, банкротства и др.). Например, в Англии «лица, принадлежавшие к купеческой гильдии, пользовались привилегией беспрошльной торговли во всех английских рынках и ярмарках и в самом Лондоне; в Дюнгэте близ Лондона они пользовались правом исключительной выгрузки товаров и удаляли всякое чужое судно, случайно или умышленно попавшее туда»<sup>88</sup>.

Феодор Фортинский во второй главе своей монографии рассматривал историю возникновения и структуру выбранных им городов как политических и экономических центров. Анализируя особенности месторасположения немецких городов Росток, Висмара, Штральзунда и Грейфсвальда, автор приходил к мысли о преемственности новой немецкой торговли от прежней славянской. «Это сходство в выборе места для торговых пунктов, занятых еще славянами, заставляло думать, что и в Грейфсвальде давно уже существовал славянский рынок, и немцы, может быть, лишь избрали другой более высокий пункт для своего рынка, как они сделали это в Любеке и Ростке. Несомненно одно, что во всех четырех портах, как и в Любеке, шла более или менее оживленная торговля еще задолго до получения ими немецкого городского права»<sup>89</sup>. Особенность месторасположения и славянских и немецких торговых городов заключалась в том, что все они располагались при устье реки или же в защищенном островами заливе, но «не у самого моря»<sup>90</sup>. Не только месторасположение, но и внутреннее устройство городов свидетельствует, по мнению Ф. Я. Фортинского, об их торговом значении. Исследуя структуру города, его политические институты, правовые нормы на протяжении нескольких столетий, историк приходит к выводу, что средневековые города, возникнув как центры торговли, посте-

<sup>83</sup> Там же. – С.47.

<sup>84</sup> Там же. – С.112.

<sup>85</sup> Там же. – С. 181.

<sup>86</sup> Там же. – С.183.

<sup>87</sup> Лучицкий, И. В. Очерки по экономической истории Западной Европы / И. В. Лучицкий. – Киев, 1893–1894. – Т. 1. – С. 1.

<sup>88</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 185.

<sup>89</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 59–60.

<sup>90</sup> Там же. – С. 59.



пенно приобретали себе различные привилегии и льготы, что в конечном счете привело к их политической независимости. Первой ступенью к политической свободе городов было, по мнению Фортинского, так называемое «городское право», поставившее города в особое положение по отношению к другим частям фогтства сеньора.

Эта точка зрения нашла существенную поддержку у другого известного историка конца XIX – начала XX вв. Алексея Дживелегова. По его мнению, «не иммунитет, не стены, не рынок, не убежище, а городское право, являющееся соединением юридических последствий, вытекающих из каждого из этих условий с некоторыми отдельными моментами сельского устройства, создает город»<sup>91</sup>. В рамках «городского права» должность ратмана, на которую избирался, по предположению Ф. Я. Фортинского, исключительно купец, приобретал все большее значение, подчиняя себе фогта – представителя сеньора, и городскую общину, отстаивающую интересы всего городского населения. «Города отбирают у сеньоров одну регалию за другой, суживают круг деятельности фогта и, наконец, приобретают само фогтство»<sup>92</sup>. «Одновременность падения фогта и общины заставляет думать, что оба эти явления совершались под влиянием одних и тех же причин. Не нужно забывать, что фогт был председателем на собраниях общины, и его собственное политическое значение основывалось, конечно, до известной степени на том влиянии, каким он, как председатель, пользовался на вече, имевшем право обсуждать политические вопросы. С помощью веча он мог понудить рат действовать в удобном ему направлении. При таком положении дела является совершенно естественным, что рат, стремясь к ограничению власти фогта, позаботился и сузить круг деятельности союзника фогта – веча»<sup>93</sup>. В последующем на смену ратману пришел магистрат, который и заботился о всех нуждах города.

Этот же тезис нашел поддержку у другого исследователя средневековых городов, профессора Варшавского университета, а впоследствии одного из основателей медиевистики в Ростовском университете Николая Любовича (1855–1933/1935). На плечах у магистрата, по мнению Н. Н. Любовича, лежали обязанности не только внутригородского управления, но и внешнеполитического урегулирования. «В делах городского управления власть магистратов была огромною. В имперских городах, которые владели десятками деревень, местечками и представляли из себя почти такие же государства, как и территории других немецких князей, роль магистратов выходила далеко за пределы забот о внутреннем благоустройстве и безопасности города. На долю магистратов таких городов выпадало и руководство политической жизнью их, что было делом не особенно легким при тогдашней сложности и запутанности государственных отношений в Германии»<sup>94</sup>. «Они должны были заботиться о поддержании дружеских отношений с соседними князьями и рыцарями, заключать союзы с другими городами, помогать последним подавлять возникающие у них волнения и мятежи, а также принимать меры к улаживанию раздоров, возникших между какими-либо городами»<sup>95</sup>. Кроме того, магистраты, по доказательству исследователя, играли немаловажную роль и в деле организации различных городских союзов, и в решении важных внешнеторговых вопросов торговых городов. Причем, Любович, как и Фортинский, замечал важную особенность деятельности немецких городов данного периода, относящуюся к области их политического положения. В зависимости от их политического статуса и строилась, по мнению Любовича, их внутренняя и внешняя политика. «Круг деятельности магистратов в имперских городах был значительно шире, нежели в терри-

---

<sup>91</sup> Дживелегов, А. К. Средневековые города. – С. 49.

<sup>92</sup> Фортинский, Ф. Я. Приморские вендские города. – С. 75.

<sup>93</sup> Там же. – С. 87.

<sup>94</sup> Любович, Н. Н. Хозяйство и финансы немецких городов в XIV–XV вв. / Н. Н. Любович. – Варшава, 1904. – С. 3–4.

<sup>95</sup> Там же. – С. 1–2.

ториальных (Landstadte), находившихся в прямой зависимости от верховного владельца территории (Landesherr'a)»<sup>96</sup>

---

<sup>96</sup> Любович, Н. Н. Хозяйство и финансы немецких городов. – С.1.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.